УДК 343.3/.7(470+571)

Голдинов Вадим Юрьевич

преподаватель Северо-кубанского гуманитарно-технологического института
Goldinov@gmail.com

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XX в.

В статье исследуется проблема трансформации правосознания и традиционной правовой культуры населения России в чрезвычайных условиях складывания революционной ситуации в начале XX в., освещаются причины роста криминалитета, основные формы преступного поведения.

Ключевые слова: **уголовная преступность, правовая культура, революционная ситуация.**

Goldinov Vadim Yurievich

Lecturer of the North Kuban Humanitarian and Technological Institute
Goldinov@gmail.com

ON THE QUESTION OF CRIMINALIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

The article analyses the problem of transformation of legal consciousness and traditional legal culture of the Russian population under emergency conditions of revolutionary situation at the beginning of XX century; covers the causes of the organized crime growth and the main forms of criminal behaviour.

Key words**: criminality, legal culture, revolutionary situation.**

Обращаясь к проблемам развития социальных девиаций, реализующихся путем девиантного, отклоняющегося поведения и находящих свое крайнее асоциальное выражение в преступности, следует учитывать, что эти явления обнаруживали тенденцию устойчивого роста в течение всего пореформенного периода. В итоге к началу XX столетия уголовная и политическая преступность стали представлять для российского общества чрезвычайно серьезную угрозу.

Существенное расширение социальной базы преступности главным образом обеспечивалось процессами разложения патриархально-общинной системы отношений и миграции большого количества крестьян в города. Примечательно, что для роста уголовной преступности особенное значение имел расцвет нищенства – основного института, поставлявшего кадры для воровских криминальных группировок. По оценке Б.Н. Ширяева, «нищенство и бродяжничество – условия, наиболее благоприятствующие росту рецидива... 10-, 15-, 20-кратная судимость за нищенство и бродяжничество сделалась обычным явлением» [1, с. 77-78].

Вместе с тем процессы криминализации затронули не только низшие классы. Они быстро набирали силу и в среде элитных групп населения. Стремительно развиваясь, уголовная преступность к началу XX в. переживала стадию профессионализации. Изменение традиционных культурных ценностей, кризис нравственных устоев в пореформенной России способствовали усилению социального беспокойства. Все новые и новые представители различных слоев населения попадали в мир криминала, анархии и беззакония. При этом идеология преступности в значительной степени исходила именно от элитных групп населения [2].

Особенно тревожная тенденция пореформенной эпохи состояла в нарастании антиправительственных настроений, в свою очередь питавших рост социальной напряженности. Ее существенно усугубляли действия оторванной от реальной жизни разночинной интеллигенции, большинство представителей которой, по словам О.А. Платонова, были лишены национального сознания и оставались безразличными к национальным интересам России [3, с. 160-163]. Для многих нараставших радикальных движений была характерна тесная связь с общеуголовной преступностью. Поиск социальной справедливости нередко выливался в банальные убийства, разбои, хищения и пр.

Особенно активизировался процесс криминализации России после смерти Александра III и вступления на престол Николая II. При этом рост преступности в стране значительно обгонял рост численности населения. К примеру, в основных российских регионах в 1900 г. было возбуждено уголовных дел на 48% больше, чем в 1884 г. В то же время численность населения увеличилась здесь всего лишь на 25%. То есть численность населения росла почти вдвое медленнее, чем его криминальная активность. Характерно, что на ведущие роли в развитии преступности, принадлежавшие центральным и западным регионам страны, к началу XX в. начали также претендовать Сибирь и Дальний Восток, испытавшие значительные криминальные перегрузки в связи с реализацией переселенческой политики государства [4, с. 7].

Довольно негативно на состоянии преступности отразился нараставший кризис государственной системы России, в том числе ее правоохранительных органов. В частности, серьезным катализатором роста криминалитета стала либерализация таких форм наказания,

как ссылка и каторжные работы. Заметим, что вплоть до начала XX в. число ссыльных и каторжников в стране постоянно росло и, по мнению властей, служило главной причиной роста преступности в целом. Но несмотря на либерализацию судебной и пенитенциарной политики (в частности, на отмену в июне 1900 г. ссылки) и сокращение ссыльно-каторжных контингентов в начале века на 40 тыс. чел., преступность продолжала увеличиваться [5, л. 2-3 об.].

В целом к 1900-м гг. отличительной чертой российской реальности стал быстрый и устойчивый рост уголовной преступности во всех ее формах, особенно преступности насильственной и корыстной. Криминалитет быстро рос вширь, а также заметно молодел [6, с. 45]. Опасения общества в первую очередь вызывал рост насильственной преступности, в эскалации которой заметно возросла роль организованных групп. Однако политика государства в данном плане оставалась предельно либеральной. К примеру, ряд разбиравшихся в 1904–1905 гг. в Санкт-Петербургском окружном суде дел арестантов, совершивших неоднократные убийства, грабежи, кражи (до 4 раз), закончился тем, что подсудимые были помилованы и освобождены из заключения или отправлены в действующую армию [7, л. 56-62].

Между тем в условиях нараставшего кризиса законности ситуация в стране становилась поистине неуправляемой, причем глубокий правовой нигилизм, неуважение к закону ярко проявлялось во всех слоях российского общества. В частности, стремительно левевшие либералы акцентировали внимание на крайнем неуважения к законности со стороны самой власти: «Закон и власть! В России это два понятия антагонистичные, даже прямо враждебные, и борьба этих двух начал составляет, быть может, главное содержание нашей русской политической современности». Прежде всего, нормы закона, по мнению либералов, не распространялись на бюрократию, причем «самая ссылка на закон, который, в сущности, является выражением монаршей воли, – считается одним из признаков крамолы» [8, с. 325]. Ввиду этого, более радикальная часть либералов прямо призывала к «обструкции и забастовке» – как более эффективным формам отношений с «бюрократией» [9, с. 207]. Действительно, нельзя не согласиться, что отношение к закону у власти в России отличалось большим своеобразием.

Примером может служить процесс над крестьянами Петровского уезда Саратовской губернии, обвиненных в участии в аграрных беспорядках 1902 г. Несмотря на оправдательный приговор, они, вопреки закону, не только не были освобождены, но и по распоряжению администрации были немедленно высланы в Сибирь, причем губернатор П. Столыпин при посещении тюрьмы заявил им: «Вы думаете, если суд вас оправдал, то дело этим кончилось? Нет, я вас, мерзавцев, сгною в тюрьме» [10, с. 58].

В этих условиях все более криминальные очертания приобретало и поведение населения, все чаще выражавшееся в различных формах массового неповиновения властям. О глубинных изменениях в массовом правосознании наглядно свидетельствовали многочисленные факты конфронтации с органами правопорядка и правосудия. Причем непосредственно на местах население все чаще проявляло самодеятельность в указанной сфере. Например, в 1903 г. в Сочи, по сообщению газеты «Кавказ», рабочие отстранили полицию от расследования дела о смерти в местном участке одного из поселян. Обоснованно подозревая в этом городовых, толпа взяла дело в свои руки. После того как она отбила труп убитого, судебный следователь «предложил рабочим производить следствие совместно». В итоге «толпа согласилась, но с тем, чтобы труп Свиностригина (убитого – **В.Г.**) был вскрыт теми врачами, на которых укажет она…», а затем избрала из своей среды понятых и контролировала все действия врачей и следствия [11, с. 418].

Особую активность в этих условиях проявляли радикальные политические силы, в начале 1900-х гг. развязавшие настоящую террористическую войну против правительства. В ее авангарде шла партия эсеров, декларировавшая намерение вершить «народный суд, под праведный и беспристрастный меч которого Партия Социалистов-Революционеров ставит властелинов русской земли, как бы высоко они самодержавной властью не были вознесены» [12, с. 21]. Заметим, что эта тактика в известной степени получала одобрение и в либеральных кругах. В частности, в одной из статей леволиберального «Освобождения» отмечалось, что покушения «Карповича, Балмашова и неизвестного, убившего ген. Богдановича, вызвали в разных слоях русского общества неописуемый взрыв восторга» [13, с. 29].

Очевидный кризис законности требовал немедленного преодоления. Однако направленные на это меры были приняты со значительным опозданием. На наш взгляд, это было связано с вынужденным учетом властями господствовавших в обществе настроений, в силу которых, легальная либеральная печать, констатируя рост конфликтности в обществе, все же из опасения контрреформ основное внимание обращала на проведение политики «в духе гуманных начал» эпохи реформ 1860-х гг. [14].

Лишь с 1902 г. стал оформляться новый, более жесткий курс, прежде всего нашедший свое выражение в практике работы МВД и Минюста. В 1903–1904 гг. правительство постепенно переходит к чрезвычайным мерам. Так, в это время отмечаются первые факты широкого ис-

пользования оружия (первые массовые расстрелы незаконных собраний в Златоусте и пр.). Вслед за этим, с лета 1903 г. дела по получившим самое широкое распространение нарушениям общественного порядка в виде демонстраций, стачек и пр. начинают, как правило, передаваться в военно-окружные суды. Для экстремистски настроенных деятелей, длительное время чувствовавших себя почти в безопасности, такое развитие событий оказалось довольно неожиданным. В частности, 20 августа 1903 г. эсеровский журнал «Революционная Россия» сообщая, что процесс по делу 23 участников демонстрации, состоявшейся в Ростове-на-Дону 2 марта, будет проведен в военном суде, недоумевал: «До сих пор все были убеждены, что судить их будут в Харьковской Судебной Палате с сословными представителями. Об этом говорили жандармы и прокурор. И вдруг – военно-окружной суд!» [15, с. 19].

В конечном счете именным высочайшим указом от 22 сентября 1904 г., передававшим «общее заведывание полицией» и тюремным ведомством товарищу министра внутренних дел и командиру отдельного корпуса жандармов, была выстроена более стройная вертикаль органов правопорядка и несколько оптимизировано их взаимодействие [16, с. 350]. Однако даже эти меры, на наш взгляд, не отличались должной последовательностью, и не отвечали на вызовы времени. Неудивительно, что ситуация в стране существенно обострялась, причем происходило дальнейшее слияние, переплетение уголовной и политической преступности, одним из результатов которого стало образование отечественного организованного криминала со своим руководством, иерархией и структурой.

В заключение следует признать, что в начале XX столетия массовость, всеохватность, профессионализация становятся основными чертами российской преступности. При этом в основе как революционной, так и уголовной преступности лежала десоциализация больших масс населения. Деклассирование части крестьян и дворянства, на основе которых формировался новый класс буржуазии, в значительной степени криминализирующийся сам и способствовавший криминализации других слоев общества (рабочих, мещан и пр.), в конечном счете решительно подрывало традиционное правосознание, девальвировало формальные нормы законности, рождало мощный криминальный импульс, в полной мере проявившийся в событиях революции 1905–1907 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ширяев Б.Н.* Наука уголовного права // Юридический вестник: журнал Московского юридического общества. 1917. Кн. XVII (1).
2. См.: Несколько замечаний по поводу статьи Г. Минулова «Особенности класса преступников» // Криминалист: теоретическо-практический журнал уголовного права. 1882. № 10.
3. *Платонов О.А.* Русская цивилизация. М., 1995.
4. *Тарновский Е.И.* Движение преступности в двенадцати естественных районах России // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 4.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 539. Д. 750.
6. *Тарновский Е.Н.* Движение числа несовершеннолетних осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901–1910 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 10.
7. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 167.
8. *Бор К.* Несколько мыслей о манифесте 26 февраля // Освобождение (Штутгарт). 1903. № 19.
9. Освобождение. 1902. 19 дек.
10. Освобождение. 1903. № 4(28).
11. Освобождение. 1903. № 23.
12. Воззвание ЦК ПСР // Революционная Россия. 1903. № 25.
13. Освобождение. 1903. № 2(26).
14. Вестник Европы. 1904. Т. 3. кн. 5; Т. 4. кн. 8.
15. Революционная Россия. 1903. № 30.
16. Вестник Европы. 1904. Т. 6. кн. 11.